

капитализма) отношения власти и общества все чаще принимают приземленный денежный характер. Население отвыкло спрашивать власть об идеях и ценностях, выходящих за пределы привычной повседневности. Кстати автор этого текста был в США во время последнего ежегодного обращения Джорджа Буша к американской нации. И был отчасти удивлен весьма сдержанными и скептическими комментариями граждан, у которых телевизионщики брали интервью на улицах. В США граждане ничего не ждут от заявлений публичных политиков, оценивая власть лишь по делам. В России как идеократической стране остается популярна вера в магию слов, намерений и деклараций власти, которая магическим образом «вдруг» способна менять жизнь всего народа к лучшему.

Рунет как зеркало новых поколений

Конечно, Рунет с формально социологической точки зрения нерепрезентативен. Он не отражает полный срез проблем и чаяний российского общества. Но эта часть общества, безусловно, более активна, критична и независима во всех сферах общественной жизни, имея доступ к источникам информации альтернативным официальным, каким остается российский сегмент Интернета. Согласно приведенной на сайте Яндекс статистике около половины людей, задавших вопросы Президенту РФ в Интернете, относится к возрасту 21-35 лет. Это люди, которым определять будущее страны через 20 лет. То, каким оно будет и будет ли оно у России вообще.

Благодаря формату Интернета особого внимания

удостоилась частная жизнь Владимира Путина (11865 вопросов). Особо интересовавшая молодежь, которая воспринимает Путина скорее как популярную личность, нежели как политика, чьи решения отражаются на жизни всех российских граждан. Этим объясняется и популярность шуточных вопросов.

Нация бедных вопрошает...

В 19 веке известный английский политик-консерватор Б.Дизраэли в одном из своих романов (по совместительству он был писателем) устами героя подчеркнул, что королева Великобритании на самом деле стоит во главе двух наций: нации богатых и нации бедных.

Естественно, что подавляющая часть «серьезных» вопросов конференции – это вопросы российской «нации бедных» к президенту страны, где эти две нации часто живут в параллельных реалиях. И если бедные все еще задают наивные вопросы, о том, почему несправедливо устроен мир, то богатые давно знают все вопросы и ответы, а также правила, позволяющие этому миру существовать. Они не спрашивают, а действуют от имени народа. Правда, преимущественно в собственных интересах.

И вопрос «Когда российские «нация богатых» и «нация бедных» будут жить в одной стране?» - тоже из области риторических.

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 05-03-83300а/У

1. Левада Ю. Альтернативы: обретенные и утраченные // Вестник общественного мнения. 2006, №3

М.А. Фадеичева

ОБРАЗЫ ВРАГА В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ НАЧАЛА XXI ВЕКА

**Фадеичева
Марианна
Альфредовна**
доктор политических наук, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН

E-mail: fm366@mail.ur.ru

Одним из проявлений постмодерна в современной политической науке стало «употребление слов без понятий»: отсутствие категориальной ясности, точности, однозначности и проникновение в

науку профанных идей и смыслов. Эта ситуация относится и к феномену мифа, к расширительному и крайне нестрогую его пониманию. Миф имеет целый ряд специфических особенностей, относящихся к политическому мифу и политическим мифологиям. Несмотря на то, что мифология как «форма общественного сознания» традиционно связывается с ранними этапами развития общества, многие особенности мифологического мышления воспроизводятся в массовом сознании постмодерных обществ, что является условием широкого распространения политических мифов и причиной их востребованности.

Общепризнанно, что мифология представляет собой способ понимания человеком окружающей действительности, при чем такой способ, который позволят не столько объяснить, сколько иллюзорно разрешить фундаментальные противоречия,

гармонизировать сложные отношения человека и мира. Политическая мифология, выполняя эту «иллюзорно-компенсаторную» функцию, представляет собой понимание политической реальности, способное определить относительно комфортное место человека в мире политики.

В постмодерных обществах при наличии огромного количества всевозможных, в том числе существенно различающихся политических субкультур, СМИ или других структур, каждый отдельный человек может стать если не политическим мифотворцем, то интерпретатором политического мифа, создавая и гармонизируя мир политики по своему образу и подобию. Мифология дает выход политическим чувствам и эмоциям: политический миф позволяет выразить, например, любовь к родине и ненависть к врагу, симпатию к власти и отвращение к политической оппозиции, чувство безопасности и страх угрозы национальной безопасности, классовую солидарность и т.д. Мир политики во многом – мир «задевающий за живое», не оставляющий равнодушным, вызывающий эмоциональный отклик, затрагивающий жизненные интересы.

Одним из родовых признаков мифа является обязательное присутствие бинарных оппозиций (на универсальность бинарных оппозиций указывал К.Леви-Стросс): мы – они, свои – чужие, друзья – враги. Другим родовым признаком мифа, в том числе и политического, можно назвать содержащиеся в нем фантастические, не соответствующие действительности представления о мире, а в случае политического мифа – фантастические представления о центре политического мира: о силах, управляющих людьми – власти и ее природе, о силах, препятствующих достижению поставленных властью политических целей – врагах народа. Исследователи архаичных мифов обнаружили в них повторяющийся сюжет: культурный герой, который добывает для людей нечто полезное, ценное. Можно также заметить, что это всегда происходит через преодоление трудностей, борьбу с силами зла. Таким образом, в мифе важнейшее место занимает не всегда персонифицированный, но обязательно присутствующий образ культурного антигероя.

Рационально обоснованный образ врага или политического противника имеет место в политических доктринах. Так, например, в Конституции Российской Федерации можно обнаружить прямое указание на то, с какими «злыми силами» следует бороться. В статье 29 п.2 говорится: «Не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального или языкового превосходства». Сергей Иванов, вице-премьер – министр обороны России в своей статье «Триада национальных ценностей», опубликованной 14 июля 2006 г. в газете «Известия» накануне саммита большой

«восьмерки», много внимания уделил тем, «кто нас критикует или является нашими открытыми противниками». «Всех их условно можно разделить как бы на два лагеря. Первый «лагерь» – это мягкие оппоненты, то есть наши партнеры в сообществе демократических государств, кого не устраивает самостоятельная, сильная, уверенная в себе Россия, имеющая развитую экономику и ясную политическую позицию, способная выстоять и защитить свой суверенный путь развития... Второй «лагерь» – это те, кто не просто не разделяет наших ценностей демократии и свободы, но и исповедует абсолютно другие, человеконенавистнические идеи, объявив террористическую войну на уничтожение всему цивилизованному миру...».

Бинарная оппозиция «свои – чужие», «наши – не наши» позволяет конструировать в политическом мифе образ культурного антигероя в зависимости от того, каков критерий определения «чужого» и «нашего». Если критерием выделения «наших» является гражданский статус, тогда возникает сонм врагов в виде государств-наций, имеющих и защищающих свои национальные интересы. Если критерием отнесения к «нашим» выбирается этническая принадлежность, тогда возникают многообразные мифологемы о враждебных этносах. Распознавание «наших» по признакам «физической антропологии», несомненно, ведет к возникновению расистских мифов. Конкретные образы основных враждебных мифических сил определенно обнаруживают национально-государственные особенности. Небезразличным для политического философа являются особенности отечественных политических мифов и мифологических образов.

Гражданская нация, складывающаяся в условиях российского постмодерна, «озабочена» позиционированием отечества на международной арене. Миф о великой России (здесь, не вдаваясь в дискуссии о реальном статусе Российской Федерации, мы рассматриваем именно миф о величии, который не требует объективной оценки, относительно истинного соответствия образа объекта самому объекту) совмещает в себе два аспекта. Первый – диахронический – рассказ о великом прошлом (в зависимости от политических предпочтений либо имперском, либо советском). Второй – синхронический – объяснение настоящего как утраченного былого величия и предсказание великого будущего. Здесь явно просматривается признак эсхатологического мифа, который объясняет причины уже произошедшей гибели политического космоса, за которым следует, или не следует при определенных условиях, его возрождение. Время в мифе довольно четко разделено: время сакральное относится к прошлому, время человеческое – к настоящему. В любом древнем мифе все, что происходило в сакральном времени, в прошлом, является образцом для воспроизведения в настоящем, человеческом времени. Отсюда пристокают

всевозможные идеи возрождения. Однако, если для традиционных обществ такой порядок мыслей представляется оправданным и целесообразным, то для постмодерных обществ возврат к старому под видом возрождения утраченного означает демодернизацию. Мифологическое мышление и мифологизированное сознание противоположно всякому обновлению, так как катастрофично по своей природе: оно любое изменение рассматривает как гибель, экстраполирует субъективное катастрофическое мироощущение на объективную реальность. В современной политической мифологии Россия в ее «державном», государственном понимании, противопоставляется другим государствам, особенно США, а также государствам Западной Европы. Такой выбор государств-врагов, кроме разного рода исторических и иных причин, объясняется тем, что США, а также западноевропейские государства представляют собой для России модернизационный вызов. При догоняющем типе развития, в условиях очередного этапа неорганической модернизации для достойного ответа на модернизационный вызов требуются экстраординарные усилия, превосходящие реальные возможности современной России. Однако враждебный образ другого государства, присутствующий в политических мифологемах, постоянно меняется, возникает ситуативно, в контексте конкретных политических событий. Он может сложиться также в отношении государств на постсоветском пространстве. Это – не «сосед», с которым «вышло недоразумение». Это обязательно – враг, «волк в овечьей шкуре», который наконец-то эту шкуру сбросил, показав свою истинную сущность. Таково проявление особенностей мифологического понимания межгосударственных отношений. Образ государства-врага связан не только с правительством и государством, но также и с его гражданами. Так, например, Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в октябре 2005 г. представил результаты социологического опроса, участникам которого было предложено оценить свойства характера русского народа и жителей западных стран. Как обычно в исследованиях ВЦИОМ выборка составила 1600 человек в 46 регионах Российской Федерации. Россияне крайне негативно оценивают европейцев. По мнению 42% опрошенных, жители стран Запада вообще не обладают положительными чертами. 15% респондентов самой отрицательной чертой западноевропейцев считают любовь к деньгам, от 5 до 10% не любят иностранцев за высокомерие, расчетливость, эгоизм, бездуховность, бессердечие и распущенность. Отрицательное отношение к американцам и европейцам подтверждается другого рода социологическим исследованием, проведенным весной 2005 г. социологическим центром Pew Research (США), в результате которого обнаружилось, что 57% опрошенных россиян уверены, что за границей их не любят. Не вдаваясь в психологические

тонкости, невозможно не заметить имеющую здесь место проекцию: приписывание другому субъекту – «чужому» – своих собственных качеств и намерений.

Лозунг «Россия – для русских», произносимый с дискуссионных ТВ-трибун политических ток-шоу, вместе с лозунгом «России – русский порядок», начертанном на заборах мегаполисов вместе с предвыборным слоганом В.В.Жириновского «Мы – за бедных, мы – за русских» представляются повседневным проявлением соответствующей этнической мифологемы. Именно поэтому на мифологическое сознание этнонационалистов не производят впечатления романтические объяснения историков, что Россия исторически складывалась как полиэтническое государство, или прагматические доказательства экономистов и демографов о необходимости привлечения иностранной рабочей силы.

Главной особенностью мифологизации этничности может быть названо все более полное и жесткое разделение на «наших», принадлежащих этнонации, и «чужих», исключаемых из этой общности. Этнонация имеет сакральный, культовый характер и возвышается над всеми прочими социальными связями и отношениями. В мифологизированной этнонации существенным оказывается эмоциональный элемент, что закономерно вытекает из ее сакрального, культового характера: она является предметом веры и почитания. В силу этого этнонационалистические представления слабо поддаются рациональной критике и переосмыслению.

Утрированное обращение к этничности, «национальному возрождению», поиски этнокультурной самобытности усиливаются при отсутствии иных интегрирующих оснований, что приводит к абсолютизации этнических различий, усилению этнополитической напряженности.

Этнонационалистические и расистские мифы имеют место и распространяются там, где происходит и становится все более интенсивной кроссэтническая коммуникация. «Взрывчатая смесь» возникает там, где этничность связывается с расизмом, абсолютизируются этно-расовые различия. В настоящее время в России невозможно обнаружить расовую теорию или идеологию, официально находящуюся на вооружении какой-либо политической партии или общественно-политической организации. Согласно п. 5 Статьи 13 Конституции Российской Федерации, «запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на... разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни». Однако можно обнаружить расистские мифологемы, связанные с «цветными» угрозами: «цветные» отнимают рабочие места, претендуют на получение других благ, которое возможно только в результате их перераспределения в пользу «цветных» в ущерб «белым». Широко

распространена мифологема о желтой угрозе в отношении «желтых» – мигрантов из Китая и Вьетнама. Причем доказательством истинности или ложности данных суждений мифологическое сознание не интересуется.

Следует заметить, что российский мифологический расизм отличается, например, от колониального расизма. Представления о расе является смутным и неопределенным. Миф и не может содержать в себе научные представления о расе, о биологической реальности фенотипического разнообразия людей, об отсутствии «чистых» человеческих рас, о шкале цветов кожи человека, насчитывающей 36

оттенков, о том, что человеческие расы все еще по-разному классифицируются антропологами разных направлений. В расовых мифологемах «черными» называют «кавказцев», живущих в Центральной России и других областях, (выходцев с Северного Кавказа, Закавказья и Средней Азии). К российским «черным» относятся так называемые «визуальные меньшинства», которые вовсе не обладают параметрами, определяющими принадлежность к негроидам (африканской расе). Мифологизация «расового вопроса» приводит к дискриминации и насилию по отношению к «визуальным меньшинствам».

ПРО МОДУ, ДЕДА МОРОЗА И СУПЕРМЕНА: ДИСКУРС-АНАЛИЗ МИФОЛОГИЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ В РАБОТАХ Р. БАРТА, Ж. БОДРИЙЯРА И У. ЭКО

О.Ф. Русакова

Русакова Ольга Фредовна
доктор политических наук, профессор, зав. отделом философии Института философии и права УрО РАН

Для исследователей мифологической составляющей дискурсов массовой культуры в роли философско-культурологической классики давно уже выступают работы Р.Барта, Ж.Бодрийяра и У.Эко. Эти авторы препарируют дискурсы современных мифологий с позиций семиотического подхода: под дискурсами подразумеваются знаковые системы, формирующие «империю знаков» (термин Р.Барта), которая представляет собою конгломерат многообразных вербальных знаковых образований (речь, текст) и невербальных знаковых форм (музыка, архитектура, дорожные знаки, товарные знаки и др.). В качестве знаковой системы дискурс рассматривается, как правило, в двух основных планах: 1) видимый план - план репрезентантов или внешних представлений смыслов и значений; 2) ментальный план - план интерпретантов или способов расшифровки смыслов и значений.

Ролан Барт трактует дискурсы как социокультурные знаки,

ментальный план которых наполнен общественно значимыми смыслами и мифическим содержанием. Социокультурными знаками, начиненными мифологемами, являются не только слова, но также и образы, и вещи, и виды деятельности, которые сообщают нам нечто коллективно значимое и архетипическое, что неизменно вызывает стереотипный эмоциональный отклик в массовом сознании. Таковыми, к примеру, могут быть праздничные и бытовые церемонии, ритуалы приготовления блюд и принятия пищи, устройства жилища, организация городской среды и даже способы упаковки вещей и продуктов.

С появление массовой культуры и массмедиа, считает Барт, возникают мифы нового типа, дискурсное бытие которых представляет собой многоярусную семиотическую формацию, гораздо более сложную, чем структура нарративного дискурса традиционных мифов.

Благодаря современным средствам массовой коммуникации мифы массовой культуры тиражируются в огромных масштабах, а с развитием глобальных рынков и распространением мифов консьюмеризма, рекламы и шоу-бизнеса вся культура массового потребления, считает Барт, приобретает характер глобального мифического дискурса.¹

Центральными объектами семиологических исследований современных мифологий в работах Барта выступают дискурсы Моды и Рекламы.

В дискурсе Моды, распространяемом через журналы мод, Барт выделяет множество структурных компонентов, объединяя их в две основные группы – 1) языковые коды и 2) риторика Моды или риторическая

